Слово редактора*

Алексей С. Титков

МВШСЭН, Москва, Россия

Зачем вспоминать старое?

doi: 10.22394/2074-0492-2019-4-8-11

«Социологи должны знать историю своей дисциплины» — к сожалению, да.

«Нормальная наука», как мы ее представляем после Куна, может обходиться без раскапывания собственной истории. Достаточно, если будет легенда о происхождении — короткая, но вдохновляющая, и имена предшественников, которыми названы формулы и константы. Мечта социологов стать «нормальной наукой» — даже старше, чем само это понятие.

Важной вехой, обозначившей эту мечту, стала дискуссия, начатая Робертом Мертоном в конце 1940-х годов. «Наука, которая не торопится забыть своих основателей, обречена» — боевой лозунг, заимствованный из философии Уайтхеда, обозначил направление, в котором, по мнению Мертона, должна была двинуться дисциплина. Решение, которое предложил Мертон, простое и до сих пор актуальное: создавать систематическую теорию, она избавит нас от проклятой необходимости помнить историю.

Социологи, к их чести, постарались забыть и даже забыли многое из своей истории. Критическим моментом — эволюционные биологи сказали бы: «бутылочным горлышком» — стали сороковые-пятидесятые годы. С появлением Парсонса казалось, что язык единой социологии уже сложился или вот-вот сложится. Как скоро выяснилось — нет.

Титков Алексей Сергеевич — социолог (МВШСЭН 2010), кандидат географических наук (Институт географии РАН, 2008), доцент кафедры социологии МВШСЭН. Научные интересы: политическая социология, история социологических идей, культурсоциология. E-mail: a-titkov@yandex.ru

Alexey S. Titkov — associate professor of MSSES, sociologist (MSSES 2010), candidate of geographical sciences (Institute of Geography, RAS, 2008). Research interests: political sociology, history of sociological ideas, cultural sociology. E-mail: a-titkov@yandex.ru

*Автор концепции и составитель номера — Константин Гаазе.

В наследие от этого периода нам остались контуры теперь уже привычной социологической истории с двумя главными классиками Дюркгеймом и Вебером, а также набор «больших» проблем, над которыми пришлось мучиться социологам конца XX века: структура или действие, нейтральная наука или ангажированная и т. д.

Эпоха Парсонса и ее распад приучили нас, что большие теоретические заявления часто превращаются в такие же сильные заявления об истории дисциплины. Парсонс и его интригующая гипотеза «конвергенции» Дюркгейма и Вебера в «Структуре социального действия» задала тон такого рода реконструкциям на десятилетия вперед. Последние пятьдесят-шестьдесят лет социологии — это в значительной степени история «ренессансов», «перечитываний» и «переоткрытий» авторов из прошлого, которые вдруг оказываются намного более актуальными, чем казалось еще недавно.

Значимость авторов прошлых периодов — или «центральность» классиков, о которой писал Дж. Александер, — определяется во многом парадоксальной ситуацией. Мы в социологии хорошо знаем, кого нам считать классиками, главными фигурами дисциплины, но нам сложно договориться, что именно в них считать ценным. Наши предшественники, к счастью или нет, всегда оставляют нам возможность для подобных споров. В каждый момент в актуальном обороте находится лишь часть наследия, большая или меньшая, но всегда неизбежно неполная. Что-то всегда остается в тени и ждет. Откроем ли мы, что Тард — не только «публика» и «подражания», а Теннис — не только Gemeinschaft и два типа воли, зависит прежде всего от обстоятельств нашего времени. Как мы распорядимся такими находками — тоже наш выбор.

Из истории социологии мы знаем, как идеи, казалось бы, отброшенные, могут вернуться к нам в новом, не сразу узнаваемом виде; возможно, как разработки других дисциплин. «Законы подражания» Тарда напомнили о себе, вернувшись к нам в теориях коммуникаций, изобретений, эволюционных моделях культуры. Спенсеровская модель эволюционного отбора сообществ вернулась не только структурным функционализмом 1960-х — 1980-х годов, но и идеями популяционной экологии организаций, бурно развивающейся в экономике и организационных исследованиях. Контовский проект социологии, основанный на идеях эволюции мозга и сознания, возвращается к нам прямо сейчас как вызов со стороны нейронауки. «Живучесть» идей, которые скорее «архивируются» на время, чем уходят насовсем, — одна из сквозных тем нашего номера.

Статьи нового выпуска представляют несколько направлений, где нам искать «новые старые» сюжеты. Социология пред- и межвоенного времени — одна из «темных эпох» для нашего современного взгляда, в которой шансы найти давно забытую актуальную идею, может

быть, самые большие. Статья Виктора Вахштайна об идее «сообщества судьбы», которая разрабатывалась широким кругом немецких социологов и философов, включая привычных для нас Вебера и Зиммеля, — но после Второй мировой войны вышла из оборота из-за слишком близких ассоциаций с нацистским режимом. Что происходит с понятием после его «политической смерти», каковы вообще возможные траектории «жизни» научных понятий, — более общие вопросы, следующие из истории одного концепта.

Статья Алексея Бойко о тайне возвращается к идеям Дюркгейма и Зиммеля — признанных, казалось бы, классиков дисциплины, но тоже освоенных очень неравномерно. Мы не можем с уверенностью сказать, что помним из наших авторов действительно «самое главное». Даже у Дюркгейма, обманчиво знакомого и разобранного, казалось бы, «по косточкам», мы обнаруживаем сюжеты, слабо включенные в современные дискуссии, но для его собственной логики явно ключевые. Такова, прежде всего, дюркгеймовская теория современного общества, которую он разрабатывал после «Разделения труда» в лекционных курсах (о социализме, профессиональной этике и др.) и в поздних текстах военного времени. Социология тайны, которую развивает Алексей Бойко, возможно, тоже имеет шансы переместиться с периферии социологических интересов в число актуальных сюжетов. Сопоставление работы социолога с детективом и детективным романом, которое предложил Люк Болтански, — еще одна подсказка, говорящая нам о значимости этого сюжета.

К межвоенному периоду и к связям между социологией и другими дисциплинами возвращают нас статьи Надежды Воробьевой о «коммунитас» Виктора Тернера и Степана Козлова о концепте «магии» в текстах Пьера Бурдье — тоже, казалось бы, разработанного вдоль и поперек современного классика. Влияние Мартина Бубера и Марселя Мосса, которое прослеживается в этих реконструкциях, напоминает нам, насколько подвижными, проницаемыми для воздействия извне были и остаются границы нашей дисциплины.

Проект Парсонса, ставший линией раздела между «историей» социологии и ее «современностью», заслуживает множества разборов. В нашем номере его судьба раскрывается лишь в одном, но значимом для социологов в России сюжете. На примере проекта «Советский человек» группы Левады статья Алексея Титкова прослеживает, как в советском, а затем постсоветском контексте идеи Парсонса получали оригинальную, иногда парадоксальную интерпретацию, приспосабливались к непривычному кругу задач.

Поколение Вебера, Дюркгейма и Зиммеля очерчивает для социологов своего рода рубеж «нашего» мира, выходить за который дальше в прошлое приходится в случаях, если надо поставить под сомнение, а затем переутвердить базовые положения дисциплины. Парсонс

в «Структуре социального действия» находит фундаментальную проблематику порядка в гоббсовском «Левиафане» середины XVII века. Критики Парсонса, чтобы найти альтернативу его построениям, совершали такие же экспедиции в прошлое, как Ральф Дарендорф, предложивший отсчитывать социологическую проблематику от «Рассуждений о происхождении неравенства» Руссо.

Возвращение к Тарду в начале XXI века — сдвиг небольшой по времени (Тард всего лишь на пятнадцать лет старше Дюркгейма), но радикальный по замыслу: представить социологию, в которой «"наукой" были признаны замыслы Тарда, а не Дюркгейма». Публичные дебаты Тарда и Дюркгейма в 1903 году, отчет о которых публикуется в нашем выпуске, — событие, которое «поворот к Тарду» предлагает считать одним из ключевых в истории дисциплины. Напряжение между Тардом конца XIX века и Тардом современных теоретиков — еще одна важная составляющая этого эпизода, итоги которого только предстоит подвести.

Привычный горизонт «времени классиков» преодолевается в статьях Александра Марея о понятии «народа» и Ольги Гончаровой об идее «счастья». Идея «счастья», некогда одна из ключевых в камералистике и философии Нового времени, а теперь набирающая силу в современных экономических исследованиях, — еще один пример «живучего» понятия, с которым мы вынуждены считаться. Исторический экскурс Александа Марея возвращает нас к еще более ранней проблематике, в которой один из «нервов» будущей социологии обнаружился намного раньше, чем сложились даже вчерне контуры дисциплины. Йозеф Шумпетер в «Истории экономической мысли» показал, насколько важной для становления социальных наук была проблема «естественного права» — внутренне противоречивого сплава человеческого искусства и природного порядка. Феномен «народа», наделяющий просто массу людей общей волей и субъектностью, возможно, относится к числу таких же изначальных проблем, над которыми нам до сих пор приходится думать, хотя бы и в других категориях.

Рекомендация для цитирования:

Титков А.С. (2019) Зачем вспоминать старое? *Социология власти*, 31 (4): 8-11.

For citations:

Titkov A.S. (2019) Why Recall the Past? *Sociology of Power*, 31 (4): 8-11.

Поступило в редакцию: 23.12.2019; принято в печать: 25.12.2019

Received: 23.12.2019; Accepted for publication: 25.12.2019